

Я стою среди поля трупов.

Нас позвали, и вот мы пришли на
Супpliciум Секундус. Мы крылатое
спасение, но мы ужасное, последнее
спасение, и наши

крылья огнем опаляют горизонты. Мы
Кровавые Ангелы. Драться с нами значит
умереть, и смерть есть мое прощение, моя
реальность, моя неразделимая
территория. Я познал смерть и поверг ее,
провозгласив своей собственностью. По
моей цене, по

моей силе, смерть есть единственный дар,
что я дарю, и разве не щедр я? Но сегодня
моя щедрость нежеланна, неожиданна.

Ненужна.

Павших на поле без счета, и ни один из
них не пал от моей руки. Я вышел со
своими братьями из десантной капсулы, и
меня

встретил этот вихрь. Следует сказать, в
этом есть особое совершенство. Это не
простая резня или кровавая баня. Это не
было поле

битвы, где определяются поражение и победа. Это смерть, простая смерть. Поле огромно, раскинутое безбрежно по трем сторонам, заканчиваясь на севере размытыми очертаниями Улья Вечернего. Горизонт нечеток не из-за расстояния, но из-за дыма.

Он густой, серый, с проблесками черного, угнетающее облако непа. Это лишь давнее воспоминание о сильных взрывах, сожженных строениях, обугленной плоти. Огонь выгорел до конца. В этом дыме есть особое значение. Этот дым — то, что осталось

после. Этот дым значит, что все кончено. Этот дым — единственная форма мира, которую знает наш век, мира, который приходит,

когда больше никому утирать.

Ветер, горячий и вялый, играет с толпой плащом, дует мне в лицо. Он разгоняет дым, заставляя серую массу дрожать над тропками,

словно обессиленный призрак. Ни звука.

Здесь нет деревьев, чтобы трепетать
листьями в шуме скорби. Нет высокой
травы, что

колыхалась бы в благословении. Земля
изжевана в грязь и перегной. Останки
оружия и людей медленно тонут в
трясине. Со

временем все воспоминания о событиях на
Супплициум Секундусе сотрутся. Дыл
развееется. Он недолго проживет.

Сердц мертвых нет порядка. Нет никаких
намеков на то, что здесь была война. Нет
разделений между армиями, нет четкой
границы

столкновения. Просто брат, пошедший на
брата. С болтером, с мечом, с пушкой, с
голыми руками, это была просто чистая
война

всех против всех. Все население
Супплициума затертво лежит передо
мной. Я вижу штатских всех полов и
возрастов. Я вижу

униформу Недрогнувших Просителей,
местных сил планетарной обороны. Я вижу

гордые знаки отличия Мордуанской
Железной

гвардии, теперь занесенные грязью.

Мы здесь из-за Железной гвардии. Это их
генерал Спиря позвал нас. Его послание
было отрывочным и отчаянным. Мы
больше не

могли связаться с ним после его первого
выстрела. Я смотрю на людей, перебивших
друг друга, и сомневаюсь, что мы еще
когда-либо

его услышим.

По вокс-связи приходит отчет с другой
посадочной площадки. Сунпициум
Секундус -- небольшой мирок, тесно
сжатый, с

небольшими участками вдоль экватора,
годными для поселения. На каждом из
этих участков был воздвигнут улей, и как
раз рядом

с этими ульями приземлились наши
ударные силы, в многовекторной атаке,
готовые одновременно все вместе карать
врага.

Сержант Салеос отозвался с Улья
Кантики, сержант Андарус - с Улья
Подношения, а потом сержант Процеллус,
с Улья Гилна. И

везде одно и то же: бесконечная сцена
смерти. Мы пришли из-за еретического
восстания. Мы пришли, потому что
Тваргуя была
подавлена. Мы нашли лишь тишину.

За моей спиной на свободном пятне земли
стоит десантно-штурмовой корабль
"Грозовой ворон". «Кровавый шип». Со мной
Столас, эпистолярый четвертой роты,
капеллан Данталион, знаменосец
Маркозий и тактический отряд во главе с
сержантом Гамизином. В

нескольких метрах слева от меня
сержант сканирует местность с помощью
аусника. Ничего. Раздражение волнами
разливается от

моих братьев. Жажда кровавой битвы
пожирает их изнутри. Их болтеры все еще
подняты, в поисках несуществующих
целей. Они

злы на мертвых. Наши знамена
поднимаются над долиной, гордые, но
неподвижные в затихшем ветре, зовом к
битве, что давно
завершена.

-- Это пустая трата времени, -- говорит
Столас.

-- Разве? -- спрашиваю я.

Услышав мой тон, Столас резко
поворачивает голову.

-- Лорд Мефистон, -- начинает он. -- Я...

Я прерываю его.

-- Ты знаешь, что здесь случилось?

-- Нет, я...

-- Ты видел такое раньше?

На этот раз он даже не пытается
ответить. Он просто качает головой.

-- Торгуанец убивал торгуанца, --
показываю я. -- И все торгуанцы убиты.
Это вводит меня в замешательство, -- я
отворачиваюсь

от Столаса, теряя интерес к
ситуации, снова фокусируясь на безутии,

что передо мной. И это было именно
безумие, понимаю я.

Сутасшествие. В этом нет логики, и в
этом неправильность этого полотна
смерти. Мой взгляд скользит по
бескрайнему числу

трунов. Я вижу совершенство, но
совершенство мерзости. -- Мы не тратим
времени даром, -- говорю я, обращаясь скорее к
себе, чем

Столасу. -- Здесь какая-то загадка, и она
несет на себе метку Хаоса.

Что-то мелькает в моем боковом зрении.
Я оборачиваюсь. Движение в дыму.
Приближается фигура. Человек. Его
движения

рванные, неровные, и в то же время
целеустремленные в своей энергичности.
Он дергается туда-сюда, не передвигаясь в
каком-то

определенном направлении, пока не
замечает нас. Тогда он бежит, наступая
на спины мертвых. Он вбивает в них ноги с
так ой

силой, что я слышу хруст их костей под
его ступнями. Его руки вытянуты вперед,
словно он спешит обнять нас. Он
появляется из

дыма. Его зубы оскалены. Лицо его красное,
сухожилия напряжены. Он рычит в
непонятной ярости. Что за человек
станет

нападать, столь непоколебимо, столь
удивительно одиоко, на Агентус
Астартес? И что за человек сделает это
безоружным?

Только один: человек полностью во власти
безумия.

Он прыгает на сержанта Гамизина,
кусаясь, царапаясь и плюясь. Этот человек
никак не может надеяться пробить броню
Кровавого

Ангела. Гамизин просто стоит в
ошеломлении. Через минуту он поднимает
человека и держит его за шею. Это
свирепое, гикое

существо -- гвардеец. Его униформа
разорвана, но ее осталось достаточно,

чтобы опознать в нем полковника.

Внезапно сжав кулак, Гатигин ломает шею человека и швыряет его наземь. Он наступает на его голову, раздавливая ее как орех. Из

динамика его шлема доносится рычание, постепенно усиливаясь в громкости и напряженности.

-- Брат-сержант? -- спрашивает капеллан Данталион.

Гатигин разворачивается, обнажая цепной меч.

-- Сержант, -- я пользуюсь голосом, как хлыстом. Гатигин останавливается и оборачивается. Я шагаю вперед, выдерживая его

взгляд. Линзы его шлема пусты, а в моих глазах нет тепла и жалости. Я вижу как синяком наливается вокруг Гатигина пятно варна.

Безумие, снизошедшее на него -- это не «красная жажда». Это не проявление Узьяна, хотя наше генетическое проклятье и может

создавать уязвимые места. Щупальца
пятна варна глубоко погружаются в самую
сущность Гамизина. Для него не будет
спасения,

кроме того, что он пожелает себе сам.

-- Отойдите, -- говорю я остальным. --
Ничего не предпринимайте, -- я не достаю
свой меч. -- Гамизин, -- говорю я, и
повторяю его имя
еще дважды.

Рычание прекращается. Его дыхание
тяжелое, затрудненное, но оно означает
усталость, не неистовство. Он опускает
ценной меч.

-- Старший библиарий, -- говорит он. Он
качает головой. -- Простите меня. Я не
понимаю, что случилось.

-- Попробайся описать.

-- Я почувствовал отвращение к офицеру,
а потом слепую ярость. Все, что мне
хотелось, убить всех, кто попадется на
глаза.

Тишина, что следует за этими словами,
тяжела. Мне не надо указывать, какие из

этого следуют выводы. Безумие, убившее
Супpliciум Секундус, все еще поблизости,
ищет способ получить наши души. Я
позволяю своему сознанию частично
соскользнуть

в контакт с неограниченным варпом. Я
препарирую всю энергию, что течет рядом
со мной. Я нахожу безумную ярость. Это
легкий

поток на заднем плане, едва заметный, но
ощутимый. Эта планета заражена. Пульс
болезни, что убила все население, бьется

неровным стуком, словно перенапряженное
сердце. Я возвращаюсь своим разумом в
здесь и сейчас, но теперь, когда я видел

следы чумы, я могу определить ее работу.
Оно бьется в глубине моего разума. Это
раздражение, едва заметное, но все же

ищущееся, оно царапает, царапает,
грызет и разъедает. Оно хочет наружу, и
оно будет терзать нас, словно ветер
терзает скалы, пока не пробьется. Оно не
торопится. Теперь оно столь же основа
этой планеты, как ее никелево-железное

ядро. И будет всегда.

Если мы останемся здесь, то спустя какое-то время мы все погрузимся в него. Это не поражение. Это реализм. Кровавый

Ангел

может и должен узнать неизбежную судьбу, когда встречает ее. Судьба, что встречает мы, закодирована в самих наших генах, и

она столь же терпелива, как и уверена в своей окончательной победе.

Разница лишь в том, что мы можем покинуть Сунпициум Секундус и его чуму. Но мне противна мысль делать это, не распознав

сначала причины случившегося.

И тогда в моей ушной бусине раздается голос:

-- Старший библиарий? -- это Кастигон, капитан 4-й роты. Он на борту ударного крейсера «Кровавая проповедь», что ждет нас на

якоре.

-- Да, капитан.

-- Вы подтверждаете остальные рапорты?

Выживших нет?

Я смотрю на мертвого полковника.

-- Верно, теперь это так.

-- Возможно ли вам вернуться на корабль?

-- Кастигон не отдает мне приказов. Он никогда не будет так глуп. Но его просьба имеет

основания.

Я колеблюсь, думая, что, может, нас еще ждет какое-нибудь открытие в улье перед нами.

-- В этом есть какая-то срочность? -- спрашиваю я.

Повисает пауза. А потом:

-- Возможно, -- я не чувствую утешенной туманности в ответе Кастигона. Он кажется искренне озадаченным. Но его тону, я могу

сказать, что он очень тщательно взвешивает ответ. Спустя секунду, он снова заговаривает. -- Мы нашли торгуанский флот.

Нашли. Этот флот не нужно было

искать. Он должен был постоянно поддерживать с нами связь. Но его не было, когда мы прибыли

в систему, и не было признаков кораблей на орбите вокруг Секундуса.

-- Ваши слова звучат злобеще, капитан, -- говорю я.

-- Весь день сам по себе таков, старший библиарий.

...

Система Сүнплициум находится на грани вытирания. Тут ничего нового. Это в самой ее природе. Когда-то, несмотря ни на что,

существовала колония на Сүнплициуме Примусе. Эта маленькая планета рискованно близка к солнцу, но ее залежи золота богаты.

Период обращения ее равен периоду оборота, и одна сторона обжигается солнцем целый день, в то время, как вторая навечно

заклучена в ночь. А вдоль сүтеречной линии шестьсот лет назад существовала

пригодная для заселения зона, пока
солнечной

шторм ужасной магнитуды не стер
атмосферу Примуся.

Секундус и Тerciус, что были больше,
дальше расположены и имели более
сильное магнитное поле, пережили шторм,
сохранив

свои атмосферы и цивилизации. Но и
здесь позиции человечества были шатки.
Орбиты двух планет слишком близки, но
лежат в

разных концах границ температурного
отдаления от их звезды. Секундус
засушливый, Тerciус холодный. Но в
Империи полно

миров куда более суровых, и все они несут
на себе вечную славу Императора.
Система Сунпициум позвала на помощь.
Ее

следует оказать.

И ее оказали. Помощь пришла.

И провалилась.

На борту «Кровавой проповеди» я стою на

стратегии, вместе с Кастигонотом. На
мониторы тактикариев выведена
информация, но

наше внимание приковано к тому, что мы
видим за огромным плотным армостеклом
впереди мостика. Гололиты и
индикаторные

панели усиливают изображение для
большей четкости, но есть кошмарное
увеличение в этом неочищенном,
неразобранном,

необработанном зрелище перед нами.

Мордуанцы были в одной системе отсчета,
когда Сунпициум Секундус позвал на
помощь, и они пришли. Теперь их флот
мертв. Их

корабли движутся, протискиваясь мимо
друг друга по нелогичным траекториям.
Некоторые столкнулись. Даже прямо когда
мы

смотрим, фрегат класса «меч»,
поворачиваясь с медленным достоинством,
сталкивается с «Манихейцем», крейсером
лунного

класса. Корабль потеньше раскалывается
нагвое. Его половины унлывают вдаль,
разбрасывая обломки. У тиделя
«Манихейца»

раздается взрыв, но он продолжает свой
медленный путь, едва ли сбившись с курса.
Нигде во флоте нет вспышек пламени
двигателей. С кораблей не поступает
признаков энергии любого рода. Вот
почему флот был

для нас сначала невидим. Он превратился
в тонкий пояс железных астероидов. Я
смотрю на экран тактикария. Есть
признаки

межкорабельных боев. На некоторых
машинах есть следы ударов торпед и
ожоги от лэнс-излучателей. Но не на всех,
на самом

деле на очень немногих. То, что убило их,
произошло внутри.

Кастигон отправил отряды на «грозовых
ястребах» и «грозовых воронах» «Кровавой
Проповеди», с командой погрузиться на
борт

кораблей, сочтенных годными для этого. Воины, участвующие в этой миссии, знали, что мы нашли на поверхности Сунплициум

Секундуса, и они знали о продолжающемся эффекте чумы. Они будут крепко держаться против соблазна гнева. Они будут следить

за собой. Но когда на стратегиум начинают поступать рапорты, осторожность кажется чрезмерной. Да, где-то на заднем плане еще

есть тихий шепот ярости, но простой дисциплины достаточно, чтобы сдерживать ее, потому что нечему сорвать ее с цепи. Флот

пуст. Не было найдено ни одного солдата. Мордуанская армия, вся до последнего человека, спустилась на Секундус, чтобы там

вырезать саму себя. Тела на кораблях принадлежали только членам команд, рабам и даже сервиторам. Рок был столь мощен, что

даже неразумные внали в убивающее
неистовство. Как внизу, так и наверху.
Каждый транспорт, на который
взбирались воины,

рассказывал свою историю всеобщей резни.
На орбите планеты не осталось ничего,
кроме мертвого металла и мертвой
плоти.

-- Никогда не видел подобного, --
признается Кастигон.

-- Как и я.

Смерть миров и целых флотов, да, такое
я видел. Я участвовал в уничтожении
целых еретических систем. Но эта резня
другого

рода. Единственное оружие, что
использовалось, было в руках слуг
Империума, что обратились друг против
друга. Мы не видели

ни малейшего намека на вражескую силу,
что делало врага еще опаснее. Здесь
должен быть враг. То, что мы видели, не
могло

произойти случайно. Порождение варна,

подобное болезни, поразило Сүпплиціум
Секундус и флот вторжения. Я не мог
заставить

себя поверить, что это случилось
спонтанно. Его сюда принесли. Спустили с
цепи.

— Я отзываю разведотряды, — говорит
Кастигон. Я киваю. Он прав, что делает
это. Там больше нечего узнать. Я начинаю
сомневаться, было ли бы, в конце концов,
даже на планете что-то стоящее
внимания.

Вопрос поднимается, когда последние
транспорты возвращаются на «Кровавую
Проповедь». Внезапно вокс взрывается

сообщениями с Сүпплиціум Терциус.
Передача хаотична, но шум голосов ясен
благодаря единообразию сообщений.
Терциус

уполяет о помощи. «Проповель» получает
поток пиктов, чье изображение трясется,
сбивается и полностью прерывается. Это
свидетельства, стонтированные в
выражение отчаяния. Они несут знаки

бунта, мятежа, безумия. Улицы городов превратились в

массовые драки, жители набрасываются друг на друга, словно воюющие муравьи. Хаос (давайте назовем его своим именем)

распространяется по планете, словно пленка пролетая по воде. Скорость заражения невероятна. Когда мы прибыли в систему, мы

связывались с космопортом на Терциуме, и не было никаких признаков, что что-то не так. А теперь, спустя день, когда мы спешим

покинуть орбиту Секундуса и мчимся на Терциус, я знаю, что мы можем опоздать. И это знает каждый воин на нашем транспорте.

Мы знаем, но мы не позволим этому случиться. Если бы воля могла двигать корабль, мы бы уже вставали на якорь над планетой.

Кастигон один за другим пытается достучаться до каждого контрольного узла. Космопорты, базы сил планетарной

обороны, лорд-

губернатор, даже до каждого дворянина или командного аристократа, упомянутого в наших записях о Терциусе.

Ему приходится

сдаваться. Порядок на Терциусе быстро исчезает. Мне приходит в голову, что от катастрофы мы сможем спасти только наши

собственные разумы.

По дороге на Терциус сообщения становятся все более угнетающими. Наше путешествие между орбитами двух планет к месту их

сближения коротко. И все же это слишком долго. Шум перетекает в визг, а потопы голоса обрываются еще более громкой тишиной.

Поток пиктов тоже прекращается. Прежде чем это случается, он успевает подарить нас сугубой мозаикой изображений.

Пока «Кровавая Проповедь» молчит к миру, теперь покрытому злобещим

спокойствием, Кастигон собирает
офицеров на
стратегическом. Столас и остальные
оставляют мне побольше места у стола
тактикария. Для них, как и для себя, я
существую в сфере
теней. Я думаю об этом, как о символе, но
кажется, у нее есть реальная сила. Живых,
силой ли, или по своей воле, отталкивает
от

непознаваемого среди них. Я воскрес и
родился снова. Тело, что было
Калистарием, живет. Разум, что
оживляет его -- Мефистон.

Жизнь Калистария теперь не больше чем
пролог к моему существованию.

Столас спрашивает:

-- Если все линии связи затолчали, не
значит ли это, что мы уже опоздали?

Кастигон не колеблется.

-- Падение предшествует уничтожению, --
объявляет он. -- Даже для самой
решительной части населения
понадобится несколько

недель, чтобы переубивать друг друга. Кризис пришел к гражданам Терциуса под нашим взором, и мы не можем их погвести.

Он говорит за всех нас. Мы идем на Терциус не Ангелами Смерти, но Спасением.

-- Мы должны уничтожить эту мерзость, -- говорит сержант Гамизин, его голос спокоен, но все же заметен его праведный гнев. Это

ярость, с которой идут в битвы. Он почувствовал прикосновение врага, и ответит со страстью, подпитанной правосудием. И он тоже

говорит за нас всех. Какой бы враг не атаковал Сунpliciум, будь это демон или ксенос, мы уничтожим его до конца, даже памяти о

нем не останется.

И тут, в следующую секунду, он находит нас первым. Звучат предупреждения о столкновении. Рүлевой Лнос выкрикивает приказы.

Корабль неповоротливо пытается
уклониться. Мы все смотрим вперед. Мы
видим нашу близкую гибель.

«Кровавая Проповедь» столкнулась с
темным кораблем. Он даже больше
ударного крейсера. Совершенно без света,
он чернее

ночи в тьме костоса. Он проходит над
нами, и на несколько минут нас накрывает
его тенью и его массой. Когда это
происходит, мы

больше не видим звезды, нет чувства
движения, нет чувства, что мы проходим
мимо другого корабля. Только огромной вес
ощущения несуществования, и кажется
легко поверить, что мы попали в вечную
ночь. Дно незнакомого корабля задевает
наши

шпили, полностью снося их. Но потом
корабли расходятся, и наш содрогается, и
Лнос пытается выровнять его угол как
можно

скорее, а второй проходит мимо в
мертвом спокойствии.

Повреждения минимальны. «Проповедь» выравнивается, и начинается общая проверка. Кажется, что второй корабль дрейфует. В

нем нет энергии, и авторы не обнаруживают на нем никаких следов радиации.

— Из мордуанского флота? — спрашивает Столас. — Может команда погрузилась в чуму ярости после того, как корабль попытался

уйти, — продолжает он.

— Нет, — говорю я. Я не удовлетворен. Такое совпадение, едва не случившееся столкновение, действует мне на нервы. Это просто

слишком неправдоподобно. Для того, чтобы в огромном пространстве космоса, встретили друг друга две пылинки, нужно, чтобы

сработало что-то кроме случайности, и этот корабль не может быть еще одной могилой гвардейцев.

Сначала нелегко определить

конфигурацию корабля, не только из-за его размеров. Не только из-за его темноты. Пусть он

достаточно цельный, есть какая-то неясность в его форме.

-- Это боевая баржа, -- ошарашенно объявляет Лнос.

Он прав. И он ошибается. Его форма действительно основана на боевой барже Agentus Астартес. Но есть небольшие темные

детали, и и многое в них кажется неправильным. Силуэт искривлен. Корпус слишком глинен, настройка мостика слишком

приземиста, нос такой острый и вытянутый, что кажется карикатурным. И сколько бы освещения мы не направляли на корабль, его

невозможно оглядеть. На нем невозможно сфокусироваться.

-- Нет, -- говорю я. -- Это не боевая баржа. Это воспоминание о ней, -- я говорю именно то, что говорю, пусть даже и не понимаю,

как

такое возможно. Я говорю не метафорически. То, что проплывает мимо нас, это корабль, который неправильно вспомнили.

А потом в поле зрения попадает одна неразмытая деталь. Улы корабля «Потрачение Надежды».

-- Это призрак, -- говорит Денталион.

Я хмурюсь этому термину, в том числе и потому, что он кажется точным. Мне известен «Потрачение Надежды». Он известен нам

всем. Эта боевая баржа пропала во время пятого Черного Крестового похода. Пять тысяч лет назад. Хуже того: это был корабль

Кровавых Ангелов. Мне все меньше и меньше нравится его близость. Это появление не может быть совпадением. Усила, что

стогла бы срежиссировать подобную «случайную» встречу, должна быть безграничной.

-- Это что, действительно... -- начинается
Гатизин.

-- Нет, -- обрываю я его. -- Тот корабль
уничтожен, -- должен быть, после пяти
тысяч лет в костосе. То, что носит
теперь его имя --

оборотень, хотя на каком-то темном
уровне он связан с оригиналом. Каким-то
образом совместные воспоминания о
«Полрачение

надежды», либо же воспоминания одного
существа, обладающего ужасной силой,
достигли такой мощи, что на свет
явились их

воплощение. Его очевидная
основательность невероятна. Я никогда не
видел, чтобы призрак варна мог быть
настолько

материальным. Это показывает
концентрацию психосилы такой
мощности, что не возможно представить.
Это...

Я поворачиваюсь к Лносу.

-- Мы можем вычислить траекторию

прохода корабля через систему?

-- Одну секундочку, старший библиарий, --
Лнос отклоняется в своем сиденье. Я вижу,
как его сознание скользит по
мехагендритам, что соединяют череп с
дыхающими машинами и когитаторами
«Кровавой Проповеди». На мостике
навигационные сервиторы начинают
напевать цифры в ответ на неслышимые
вопросы. Через несколько секунд Лнос снова
начинает ощущать присутствие
остальных

нас. Результаты его усилий появляются
на экране тактикария. Если «Потрачение
надежды» держалось этого курса, оно
прошло

мимо Сунплициум Секундус, как раз
посередине торгуанского флота.

-- Капитан, -- говорю я Кастигону, -- это
носитель заразы ярости. Уничтожьте его,
и может быть мы сможем спасти
Сунплициум

Терциус.

Призрак все так же тает, когда

«Кровавая Проповедь» маневрирует на позицию для уничтожения. Огромная тень не меняет

направления. Ее двигатели не горят. Не поджигаются щиты или пушки. Она плывет, медленным левиафаном, без тратежной

глыбой, посланником бессмысленного разрушения.

Нет. Нет, я не прав. Я виноват, я недооцениваю врага. Здесь нет ничего бессмысленного. Призрак боевой баржи Кровавых Ангелов

излучает чуту, чьи симптомы подобны симптомат «красной жажды». За этим стоит чья-то воля. Это насмешка. Провокация,

гарантирующая окончательное воздаяние. Но как узнать, кто стоит за этим кошмаром?

Вопрос может подождать. Главная наша забота — «Потрачение Надежды». Оно роднит своим существованием едва не уничтожило

целую систему. Если не остановить его сейчас, многочисленные миры Империи впадут в безумие. «Потрачение Надежды» должно

погибнуть снова. Сегодня. Сейчас.

Как? Не знаю.

«Кровавая Проповедь» на позиции. По приказу Кастигона Лнос увел нас подальше от призрака. Ударный крейсер огромным кинжалом направлен в бок боевой баржи. За «Потрачением надежды» ничего, кроме костоса. Супpliciум Терциус все еще на некотором расстоянии, но Лнос все же безопасно расположился правым бортом к нему. Важно, чтобы ничего не было перед нами,

кроме цели. Кастигон приказал приготовить пушку «Нова».

-- Обычное оружие не причинит вреда призраку варна, -- говорю я ему.

-- Он достаточно материален, чтобы нас ударить, -- отвечает Кастигон. -- Он разбил металл и камень. Значит может быть разбит в

ответ, -- он поворачивается к Лносу. --
Рүлевой, мы готовы.

-- Секунду, капитан, -- у нас никогда не
бывало такой роскоши, как столь
пассивный неприятель, по которому мы
готовимся открыть

огонь. Лнос пользуется возможностью
несколько раз перепроверить расчеты и
еще раз выровнять оружие. Когда он больше
не

находит ошибок, подает сигнал
Кастигону.

Я чувствую подъём духа машины корабля.
Он счастлив снова воспользоваться
оружием. Пушка «Нова» -- создание
абсолютной

мощи, потому что разрушает все с
абсолютной эффективностью. Мы всего-
лишь его слуги, пробуждающие его
от сна, когда

нам снова становится нужен его
божественный вздох.

-- Огонь, -- командует Кастигон.

Палуба содрогается. Весь корабль

вибрирует от силы, выпущенной огнем пушки «Нова». Орудие это почти столь же длинно, как

корпус корабля. Отдача сотрясает «Проповедь». Эта пушка не создана для прицельного огня, но выстрел производится настолько

близко к точке прямой наводки, как только можно, чтобы мы сами не пострадали в процессе. Вспышка снаряда пронзает пустоту,

раня само пространство между нами. Она бьет «Потрачение Надежды» прямо в центр. Раздается блеск ослепляющей чистоты.

Это все, чем в этот момент оправдывает свое имя орудие. Взрыв достигает «Кровавой Проповеди», но затихает. И все же, еще

один удар взрывной волны сотрясает нас. Мы только что поразили, одним из самых мощных орудий в человеческой истории,

«Потрачение Надежды».

И оно этого не заметило.

Темная безмятежность ненарушена.
Корабль-призрак ровно дрейфует к
Супpliciум Терциус, неся с собой чуткую
окончательной

ярости. На мостике и стратегиуме тихо,
и мы все смотрим в будущее, отраченное
«Потрачением Надежды». За часы один
корабль

уничтожил все человеческие жизни в
системе. Он сделал это без оружия, без
борьбы, без планов. Хватило просто его
прохода

тихо. А если призрак достигнет других,
более заселенных систем? Или пересечет
путь флота? Лучи заражения, видения
ада: мой

разум наполнен образами, как чума
распространяет свое разъедающее влияние
на всю галактику.

«Потрачение надежды» надо остановить.
И раз ничто из вооружения «Кровавой
Проповеди» не может этого сделать, то
остается

одна альтернатива.

-- Я возглавлю абордажную группу, --
объявляю я. -- Корабль следует
уничтожить изнутри.

-- Разве можно ходить по призраку? --
спрашивает Кастигон.

-- Он достаточно материален, чтобы
ударить нас, -- эхом отзываюсь я.

-- Если это источник заражения, --
раздумывает Данталион, -- то вход туда
повлечет огромную духовную опасность.

-- Особенно для Кровавого Ангела, --
добавляю я. Узьян будет особенно
тучителен в этой ситуации.

Капеллан кивает.

-- Угроза кажется довольно прицельно
направленной.

-- Это не совпадение, -- говорю я. -- И это
риск, который мы должны принять.

Кастигон кивает, но он все еще выглядит
сомневающимся.

-- Как вы планируете убить призрак? --
спрашивает он.

-- Узнаем по ходу действия, -- я
оборачиваюсь, чтобы уйти. -- Разве один

вернувшийся с того света не сможет
уничтожить другого?

...

Мы не используем абордажные торпеды.
Мы неуверены, что сможем пробиться
сквозь оболочку корпуса призрака. Вместо
этого к

«Потрачению Надежды» мою команду
везет «Кровавый Шип». Это будет образ
экзорцизма. На борту вместе со мной
эпистолярный

Столас, сангвинарный жрец Альбин,
капеллан Данталион и технодесантник
Фенекс. Сержант Гамизин тоже здесь. Он
настаивал на

своем участии, пусть даже миссия
требовала других умений. Но у него
достаточно веры, и, испытав
прикосновение ужаса заразы

корабля, теперь он жаждет отпущения. Я
сижу в кокпите с пилотом Ориасом, когда
«Кровавый шип» подходит к люку
посадочного

ангара боевой баржи. Дверь не

открывается. Это неувдвительнo. Чтo
изумляет, этo тo, как четче становятся
детали корабля. Они

становятся яснее не потому, что мы
подходим ближе, а потому, что мы
смотрим на них. Запечатанная дверь
становится особенно

материальной, какой не была еще
несколько минут назад. Я замечаю
боковым зрением, что все остальное все
еще размыто.

Ориас замечает то же самое.

-- Как такое возможно? -- спрашивает он.

-- Оно питается нашими воспоминаниями,

-- отвечаю я. -- Мы знаем, как выглядят
боевые баржи. Оно выстраивает себя,
пользуясь

нашим знанием.

Я чувствую, как гнев напрягает плечи
Ориаса. Его негодование праведно. Мы
видим чудовищное богохульство. И все же,
мы кое-

что узнали. Мы узнали, как работает
наш враг.

А потом неожиданно появляется дверь. Дверь открывается. Ангар -- прямоугольная пещера, тьма внутри темноты. Он ждет нас. Он

приветствует нас. У нас есть что-то, что ему нужно. И это тоже ценное знание. Если у него есть потребности, то есть и слабости.

-- Чертов корабль над нами издевается, -- рычит Ориас.

-- Он высокомерен, -- отвечаю я. -- А высокомерие -- всегда ошибка, -- покажи мне свою слабость, думаю я. Скажи мне, чего ты

хочешь, и я разорву тебя пополам. -- Заводи нас, -- говорю я Ориасу. -- Высади нас и отчаливай.

Несколько следующих минут кажутся кошмарно знакомыми. Транспорт входит в посадочный ангар боевой баржи. Я открываю

стенной люк. Мы ждем несколько секунд, приготовив оружие. Ничто не материализуется. Мы просто смотрим в

пустой ангар.

-- Мне не нравится, когда из меня делают дурака, -- рычит Гамизин. Его болтер движется туда-сюда, выискивая цель.

-- Обуздай свой гнев, брат-сержант, -- говорю я ему. -- Заметь, как мало усилий надо этому кораблю, чтобы вызвать в нас ярость.

Мы высаживаемся. Банальность окружающего нас делает нас еще более настороженными, напряженными. Мы ничему не

доверяет. Я первым выхожу на палубу, и то, что она не оказывается все-таки иллюзией без основания за ней, почти изумляет.

Остальной отряд следует за мной. Мы отходим от транспорта и формируем круг, перекрывая все возможные подходы.

Пустота

полна молчаливого стеха. Мы игнорируем его. Наше улучшенное зрение прорывает тьму, но все, что мы видим, это обычная палуба и стены. Знакомство и понятность

Всего вокруг опасны. Все, что не кажется чуждым -- это соблазн ослабить бдительность. А

потом, когда Ориас уводит «Кровавый шип» из ангара, прочь от «Потрачения», темнота отступает. Расцветает свет. Он цвета гниения.

Свет идет не из биолюбов, хотя я и вижу их свисающими с потолка. Это не настоящий свет. Это призрак света, столь же

фальшивый, как и все на этом корабле, воспоминание, выуженное из нашей памяти и использованное в постройке этого

демонического парадокса. Когда мы продвигается через ангар к двери в переборке, пространство становится еще материальнее.

Звон наших шагов становится громче, менее приглушенным, более уверенным. Видел ли я раньше металлические заклепки?

Теперь вижу.

К тому моменту, как я достигаю гверии,
восстановление воспоминания о
погрузочном ангаре боевой башни завершено.
О. Я больше не

замечаю новых, убедительных деталей. У
теперь я вижу слабость существа. У
призрака есть пределы возможностей.

Ангар

кажется настоящим, но он пуст. Нет
ящиков с снаряжением, на палубе нет
транспортников. Только пустота и
пространство.

«Полтрачение Надежды» не может
воспользоваться всеми нашими
воспоминаниями.

— Я изтерю тебя, — шепчу я кораблю.
Спрашиваю себя, знает ли он, что впустил
внутрь. Чувствует ли меня? Ощущает ли
сожаление? Знает ли он страх? Я
постараюсь, чтобы познал.

Когда мы выходим из ангара в главный
коридор, начинается атака. Не
физическая. Вокруг нет видимых врагов.
Ничего, кроме

пустого коридора и тусклого, болезненного
серого света. Но теперь корабль
охватывает нас, и не только пьет наши
воспоминания.

Он пытается скорлупить что-то нам.
Напоить нас ядом. Отравить нас нашими
проклятьем. Идти по коридору — словно
идти в сердце

самой ярости. Мы идем против урагана
психической силы. Это замедляет наше
продвижение столь же верно, как
физическое

препятствие. Словно толкаешься в лапони
огромной руки, руки, что обернулась вокруг
нас, сплетая вокруг нас пальцы. Сжимает.

Выжимает самоконтроль и
здравомыслие. Вдавливает в нас
неконтролируемый гнев, внутрь, внутрь,
внутрь, пока мы не взорвемся,

выпускающая ярость в безумии берсерка.

Я ощущаю, как ярость шевелится в моей
грудь развертывающейся змеей. Но
хладнокровная часть меня, которую я не
остеливаюсь назвать душой, удерживает

зную. И это тоже изматывает силы корабля.
У точности атаки все еще есть границы.
Это не

«черную ярость» я сдерживаю. Это
слишком космический гнев. Он
могуществен. Он вызван силами настолько
мощными, чтобы

материализовать воспоминание о боевой
барже. Но он все же не до равен четкому
существованию нашего Узьяна. Это случится, не
сомневаюсь.. Но нам достает дисциплины
подавлять гнев этого сорта.

Я смотрю на моих братьев. Пусть в их
шагах есть напряжение и усилие, их воля
несломлена.

— Свет становится ярче, — говорит
Столас.

— Так и есть, — соглашаюсь я. Несмотря на
наше сопротивление, корабль становится
сильнее. Одно наше присутствие вдыхает
в

него жизнь. Свет, как ил искаженным бы
он ни был в ангаре, приобретает все
больше жизни. Мы видим коридор все

дальше и

дальше. Корабль со все большей и большей уверенностью в себе закрепляет детали. Лучшая видимость должна была бы облегчить наше продвижение. Но не облегчает.

Похожесть призрака сверхъестественна. С каждым улучшением освещения, появляется больше признаков идеального воспоминания.

Это подлинный призрак «Потрачения Надежды». Мы идем по одному из его главных коридоров, и призрак восстанавливает

сложные воспоминания: обитые дерматином стены и пол, готические арки, сводчатые переборки. Все это здесь. И все же, как будто бы

точным не было воссоздание, это все еще призрак. Чего-то не хватает.

Машинные познания Фенекса первыми дают ему ответ. Он бьет кулаком по стене правого борта. Как и ожидается, раздается стук

кератита о лтрапор. И все же, что-то заставляет меня нахмуриться.

Альбин тоже что-то замечает.

-- Что-то не так, -- говорит он.

-- Задержка, -- объясняет техногесантник.

-- Очень маленькая. Звук приходит на долю секунды позже, чем должен.

-- Потому что ответ разумен, -- говорю я.

-- Это форма иллюзии. Стена нереальна. Твоя перчатка бьет по костосу, брат.

Я замечаю, как Гамизин смотрит под ноги, словно ожидая, что поверхность, по которой он идет, разверзнется без предупреждения.

Если мы достигнем успеха, возможно, он будет не так уж неправ.

Из-за своего шлема-черепан Данталион предает корабль анафеме. Его голос дрожит от ненависти.

-- Побереги дыхание, -- говорю я ему. -- Подожди, пока найдем то, что должны изгнать.

-- Уже нашли, -- отвечает он. -- Весь этот корабль.

-- У тебя хватит сил распространить свою волю на столь большую цель? -- спрашиваю его я. -- Если так, то я тебе завидую.

Данталиону не нравится мой тон. Но меня это не заботит. Меня заботит, чтобы моя команда была настороже и сконцентрирована,

как только возможно. Этот корабль разжигает гнев, и не думаю, что его волнует, на что он направлен. Ненависть

Данталиона к

«Полрачению Надежды» нормальна, достойна похвалы, просто достойна. Но она все же питает корабль. И если ты не найдешь

цель, которую как-то сможет повергнуть, откровенный, стремительный гнев капеллана причинит нам больше вреда, чем пользы.

Мы двигается к мостику. Это не результат тщательного обдумывания. Мы обменялись взглядами на выходе из посаженного ангара,

и по общему согласию двинулись в этом направлении. Ничего не говорит, что то, что мы ищем, находится там или где-либо вообще

в корабле. Но мостик — это нервный центр корабля. Мы ищем разум. Мостик кажется логичным местом для начала поисков.

Меня беспокоит, что мы предпринимаем действия основанные только на предположении. Я не чувствую никакого направленного

движения энергии варпа, что мог бы создать «Потрачение Надежды». Кажется, что нет вообще ни одного потока. Я понимаю

сущность империума. Я знаю ее лучше, чем кто-либо еще в Империи, кроме нашего Бога-Императора. И все же сущность

«Потрачения» не поддается мне. Оно кажется инертным. Это не может быть правдой, не при этом усиливающемся свете, не при

укреплении иллюзии, не с этим поскребыванием и шипением в наших разумах. Что-то здесь работает. Может я не могу найти струи, потока, сердцевины, потому что их еще нет. Корабль производит такой эффект, который могло бы производить некое поле, причем поле, растягивающееся на всю длину и ширину корабля.

-- Он еще недостаточно силен, -- борточу я.
-- Старший библиарий? -- переспрашивает Альбин.

-- Корабль все еще питается, -- говорю я. -- Мы не можем узнать его истинную сущность, пока он не наестся. Может тогда он начнет действовать.

-- И тогда мы сможем его убить? -- спрашивает Гатизин.

Я киваю.

-- И тогда мы сможем его убить.

Мы идем вниз по коридору боевой баржи. Мы игнорируем боковые коридоры, открывающиеся с каждой стороны. Мы

держится

прямого пути, продвигаясь через
эфемерный, но непреклонный гнев. Наши
нервы истрепались, усилия, требуемые на
то, чтобы

подавить вспышку гнева, становятся все
сильнее. И больше того. Есть что-то
похуже. Чем больше я напрягаюсь, тем
больше я

ощущаю разум. Это не он ведет корабль.
Это сам корабль. Как будто это
действительно и есть вернувшийся с того
света. Это

знание раздражает, балансируя на самой
границе тактической полезности,
жужжащим котаром в моем сознании.
Если этот корабль

разумен, я должен уничтожить его мозг.
Чтобы это сделать, я должен его найти.
Но «Потрачение Надежды» все еще
слишком

толчаливо. Это зверь, погруженный в свои
сны о ярости, еще неготовый к
пробуждению. Он тучает нас. Он не

борется с нами.

Дорога от ангара к мостику далека. Ничего не случается, никаких атак. Переход мог бы быть скучным, если бы не медленная,

зловещая трансформация корабля вокруг нас. Перед нами зрелище знакомого зла, узнаваемой угрозы. Чем больше корабль

напоминает то, чем он себя помнит, тем больше проявлений его силы мы ощущаем.

Свет становится еще ярче. Нарастающая

четкость по сути все так же зловеща.

Здесь ничего нет, кроме смерти, воплощенной в форме самого корабля. Все, что предстает

перед нашими взорами, он проделывает в злобном хихикании, довольный, что так хорошо имитирует реальность. Это лишь

демонстрация силы. Все, что появляется, может исчезнуть. Уверен в этом. Этот корабль — дракон, делающий вдох. Уничтожающий

выдох неотвратим.

Мы спустились на одну палубу вниз, и

лишь в нескольких минутах от мостика,
когда дракон испускает рев. Свет снова
гаснет до

серости савана. Теперь корабль готов
лучше использовать энергию, что
вытягивает из нас. Он проснулся.

Внезапный скачок

сознания вызывает боль. Теперь призрак
полностью обращается против нас.

Может ли корабль улыбаться? Полагаю,
может, и он улыбается прямо сейчас.

Может ли он злиться?

О да.

«Потрачение Надежды» ненавидит,
злится, оно обращает свой смеющийся гнев
на тех, кто осмелился вторгнуться в него,
на

вторженцев, что кажутся меньше
насекомых, которых он затанил сюда, пока
спал. Он питался нами, а теперь он
намерен

завершить свой пир нашим полным
уничтожением.

Уничтожение приходит из стен. На

секунду они теряют отчетливость. Сам Хаос вздымается и скручивается. У корабль может неть.

Коридоры наполняются фанфарами человеческих криков и барабанным боем гимна самой ярости. А потом стены рождают детей. У

их выроdkов шкура цвета крови. Их конечности глинные, цепкие, с стальными тускулами, распределенными по деформированным

костям. Их черепа нелепы, хищная помесь черепов рогатых козлов и бронированных шлемов. Их глаза пусты и светятся знойно-

желтой ненавистью. Это кровопускатели, демоны Кхорна, и один вид их появления обрекает смертных на безутное ужаса за гранью

постижимого.

А для меня и моих братьев по крайней мере теперь есть враг, с которым мы можем сразиться. Мы образуем круг воли и веры.

-- Вот оно, братья, -- говорит Данталион. --
-- Теперь этот корабль показал свою
истинную проклятую натуру. Бейте
твердо,

непреклонно, во свет Сангвинния и
Императора!

-- Этих тварей, сержант, -- говорю я
Гатизину, -- можете совершенно спокойно
убивать.

Ему, непривычному к проявлению юмора с
той стороны, требуется секунда, чтобы
ответить:

-- Благодарю, старший библиарий, --
говорит он, и со страстью принимается за
работу.

Кровоускатели снаряжены древними
мечами, их клинки отмечены жуткими
узорами и непотребными рунными. Они
появляются со

всех сторон, их рев тонет в хоре
меченосцев и адского боя, боя барабана,
созданного из самой ярости. Музыка
коварна, она

пробивается глубоко в твой рассудок. Я

знаю, что оно пытается сделать. Оно
хочет заставить нас биться в том же
ритме, чтобы

ярость встретила ярость, чтобы багровая
броня билась с багровой плотью, пока мы не
потеряем себя в Узьяне, и нельзя будет

отличить Кровавого Ангела от демона.
Кровопускатели шире раскрывают свои
клыкастые пасти, их языки полощатся в
воздухе

словно змеи, пробуя гнев на вкус и находя
его приятным. Они размахивают
кинжалами. Мы встречаем их своими
Силовыми мечами,

копья и ценные мечи отвечают и
парируют. Кинжалом против кинжала,
гневом против ярости, встречаем мы их
атаку. Чужовища

падают, разрезанные пополам. Палуба
поглощает их, приветствуя их
возвращение в небытие. И вместо каждой
терзости, что мы

уничтожает, две новые выскакивают из
стен.

Война называется войною

-- Тут есть лишь один конец, -- говорит Данталион рядом со мной. Он опускает крозиус на череп демона, разбивая его в пыль. -- И

это не будет наша победа.

Он не пораженец. Он просто говорит правду. Коридоры перед нами заполнены врагами. Они продираются через друг друга в своей

жажде разорвать нас на части. Они будут являться вечно, создаваемые сатим уничтожением их собратьев. Огонь болтера

разрывает на куски. Лезвия разрезают их. И там, где стояло двое, теперь десять.

-- Нам нельзя здесь оставаться, -- говорит Альбин.

И пока он говорит, потолок выпускает целый водопад кровопускателей. Они падают на нас, вцепляясь когтями и клыками, пытаясь

превзойти нас числом. Мы бросаем их наземь, давим их своими ботинками. Я

чувствую треск нечестивых когтей, и
знаю, что

причинил мерзости боль, прежде чем она
снова поглотилась назад.

Данталион спотыкается, бульканье
хрипит из его динамика. Наверное, он
отвернулся в неверный момент.
Кровопускатель пробил

мечом под его шлемом. С рыком
напряжения демон проталкивает клинок
дальше, пробивая мозг Данталиона. Наш
капеллан

затирает, потом падает. Гамизин
взывает от бешенства и одним ударом
ценного меча уничтожает
кровопускателя.

Ярость нарастает. Теперь мы сражаемся
и за месть. И чем яростней мы
сопротивляемся, тем ближе приближаемся
себя к року. Атака

кровопускателей -- словно штормовая
волна, и чем быстрее мы их убиваем, тем
быстрее их число увеличивается.

-- На мостик, -- кричит Гамизин. -- Это

наша цель, и ты сможешь оставаться там
так долго, сколько сумеет, чтобы изгнать
эту

терзость.

-- Нет, -- отвечаю я. -- Не мостик, -- теперь,
когда призрак полностью проснулся, я
просто смотрел волны его мыслей. Мы на
неверном

пути. Сердце этого воспоминания не на
мостике. Это там, где хранится знание. --
В библиотеку.

Корабль слышит меня. И до этого его
стратегией было изнурить нас, разломать
нас понемногу, упиваясь свирепостью
нашего

упущения уничтожать. А теперь я объявил
нашу цель, и все меняется. Теперь
«Потрачение надежды» хочет нашей
немедленной

смерти. К потоку демонов, к атаке
присоединяются стены и потолок.
Коридоры начинают превращаться в
безумное подобие

воспоминания о боевой барже. Руки

опускаются к нам. Они огромны, достаточно велики, чтобы схватить и раздавить любого из нас.

Они испещрены прожилками, руки статуи, и хотя они сделаны из камня, кажется, что они парят. Они невоспоминания; они

создания, призраки искусства, их реальность создается микросекунда за микросекундой. Это огромные когти, одновременно

рептилии и хищника. Они скребут и изгибаются, с хрустом в каждом суставе. Они как воплощение идеи, созданной для того, чтобы

разрывать, но они и огромны, и то, что не смогут разорвать на части, они будут разбивать.

Рука опускается прямо на меня. Она прекращается в кулак. Корабль хочет меня раздавить. Он показывает мне, что он знает страх.

Он верит, что я могу причинить вред.

Я собираюсь это доказать.

Разум, что держит этот корабль в подобии реальности, не единственная сила, способная создавать. Варн подчиняется и мне. Я

вошел в него призраком, но теперь я Господин Смерти. Моя воля охватывает не-материю, давая направление энергии безумия.

Воздух взблескивает полотном из золотых вспышек, распростертым над нашими головами. Рука потолка врежется в него и

раскалывается на части. Я вкладываю всю свою сущность в этот щит. Превращаю его в купол. Демоны, попавшие под его грани,

разрезаны на части. Теперь купол окружает нас. Его периметр едва в метре вокруг нашей защитной окружности.

Я вкладываю столько своей воли в управление куполом против атак кровопускателей и кулаков стен, что едва ощущаю свое тело. И

все же я должен идти. Мы не можем здесь

оставаться. Я должен достичь библиариума.

-- Старший библиарий, -- зовет Альбин, -- вы меня слышите? -- Альбин знает меня лучше всех присутствующих. Точнее, он хорошо

знал Калистария, и ему много понадобилось сил, чтобы понять существо, что выросло из могилы его друга. Цель Альбина

похвальна, пусть и безнадежна. Но даже и так, бывало, что он действительно мог понять подлинную сущность моего

существования. Когда я киваю, он говорит. -- Нам надо идти. Вы можете идти и поддерживать щит?

Удары врагов безостановочны. Со временем и силой, они пробьют любой барьер. Призрак очень силен. Я должен сохранять

концентрацию на существовании щита. Я говорю сквозь сжатые зубы:

-- Егва.

Он кивает.

-- Тогда наш ход, брат, -- говорит сангвинарный жрец.

Брат. Ко мне редко так обращаются. И не без причины. Калистарий был братом среди других братьев, принятый до той степени, до

какой псайкера могут принять Агентус Астартес. Но Калистарий мертв, и когда Альбин говорит «брат», он обращается к тени, к

всего-лишь такой же сущности, как тот ад, в котором ты сражаешься. Калистарий не вернется. Мефистон живет вместо него. Я

Кровавый Ангел. Я уничтожу каждого, кто усомнится в моей верности. Но «брат»? Это знак товарищества, что для меня закрыто.

Оставил так. Альбин прав в вопросе стратегии.

-- Согласен, -- выдавливаю я.

-- Показывайте нам дорогу, -- говорит он мне.

Я поворачиваюсь туда, откуда мы

пришли. Усилия велики. Я отбиваю не только дюжины одновременных физических атак, но и все психическое давление корабля. Развернутое тело так же тяжело, как повернуть планету.

Альбин идет впереди меня. Остальной отряд выстраивается клином. Я ослабляю щит. Он становится пористым, но не исчезает

полностью. Я могу усилить его в мгновение. Команда продвигается вперед, встретить поток кровопускателей. Столас создает свой

щит. Эпистолярый – сильный псайкер. Я видел, как он разрушил линию неприятеля бурей из молний, достойной легенд. Но он не

то, что есть я, и хотя мы идем в пространстве, созданном полностью из варна, наши силы не увеличиваются. Этот корабль –

паразит, что пожирает своего носителя. И поэтому щит, поднятый Столасом,

задерживает кровопускателей, но не может их

остановить. Наше острое жало копье втыкается в пенную волну. Мы с дюжины метров проталкиваемся через толпу демонов, пока

их количество снова не возрастает, угрожая поглотить нас. Я снова возвращаю щиты полную силу, давая нам место и время

перезгрупироваться. Когда Альбин подает мне сигнал, я снова возвращаюсь в физическое состояние, и мы идём вперед.

Так мы продвигается. Это единственный способ, тучительно медленная записка из передвижения и остановок. Тысячи метров проходим мы так. Количество убитых нами растет с каждым шагом, и каждый вырезанный демон, каждое деяние гнева — это еще

одна капля психической плазмы в нечестивые двигатели «Потрачения Надежды». И наш путь через корабль станет путем

проклятья, если я ошибся насчет того, что найду в библиариуме.

Мы продвигается глубоко в сердце корабля. Хранилище архивов, истории и знаний не в шпигеле башни, как на «Кровавой Проповеди». Нет, оно ждет нас на нижней палубе, на несколько сотен метров ниже машинариума. Чтобы привести нас сюда, я иду

за волнами варна. Призрак проснулся, и он светится силой. Теперь он не может скрыть черты его сущности, и любой чуть больше

чем человек, может прочитать завиточки отпечатков его пальцев. Действуя против нас, «Потрачение Надежды» открывает себя

моему взгляду и моему суждению.

Мы доходим до библиариума. Огромные железные двери перекрывают нам вход. Рельеф на ней — аллегория опасности знания. Он

провозглашает, что лежит за ним, и отгоняет непосвященных прочь. Мучимые

человеческие фигуры в агонии падают
перед

огромными толпами. Демонов нет на
картине -- ни один имперский корабль не
заятнает себя подобным изображением.
Вместо

этого опасность изображена в виде
переплетенных лоз и абстрактных линий,
что обхватывают и разрывают фигуры.
Опасности, что

таились в архивах настоящего
библиариата скорее всего будут лишь
тенью того, что ждет нас теперь. За
дверями лежит сознание

корабля. Я чувствую пульсацию его
лихорадочных мыслей, бьющихся в стенах.
Их ритм совпадал с ритмом барабанов, все
еще

бьющих и отзывающихся эхом в
оскверненных коридорах. Были ли мысли
источником демонического марша, или же
музыка идет

из места темнее, от хозяина сильнее,
фортируя разум призрака? Ответа на это

Нет. Мне нужно уничтожить и то, и другое.

Все ли это, чего я желаю? Нет. Не все. Но желание -- предательский господин.

-- Альбин, -- выдавливаю я, щит все еще на полной мощи.

-- Старший библиарий?

-- Мне будет нужен Столас, -- сила этой комнаты может быть огромна. Нам надо будет ударить всеми силами, что у нас есть.

-- Мы будем стоять и держаться, -- говорит Фенекс

-- За Сангвиния и Императора, -- добавляет Гамизин.

Клинообразный строй смотрит в коридор. Мои братья Кровавые Ангелы стоят спиной к двери. Когда мы со Столасом пересечем

порог, их защита будет только физической. Ее будет достаточно. Они смогут отбивать океан Хаоса, клинками и болтерами, так

долго, сколько понадобится нам со

Столасом для триумфа или поражения.

Я опускаю щит. Берусь за изукрашенную бронзовую ручку двери. И когда я тяну ее, то к своему удивлению, не встречаю сопротивления. Капитуляция ли это, спрашиваю я себя. Или корабль собирает свои силы для настоящей битвы, что сейчас

начнется. Неважно.

Столас и я входим в библиариум. Дверь резко захлопывается за нами. Удар железа по камню звучит не так, как в коридоре.

Мне

требуется секунда на то, чтобы понять, что изменилось. Ответ приходит, когда я оглядываю библиариум.

Эта комната, и только она одна настоящая.

Мы со Столасом идём через обитель проклятого знания. Мы зажаты в проходе между возвышающимися полками с свитками,

пергаментами и томами. Проход ведёт нас к открытому пространству в сердце

комнаты. Это не воссозданное

воспоминание. Это не

продукт варпа, по крайней мере, не такой,
как остальной корабль. Сама по себе
комната построена знакомым образом.

Это мог

быть библиотечный настоящий боевой
баржи. На сводчатом потолке фреска
изображение Сангвиния, его крылья
развернуты, в руке

меч, он в ярости летит вниз, неся свет и
кровь врагам Императора. Но фреска
повреждена. Огромные, параллельные
царапины,

следы когтей какого-то гигантского
демона, по диагонали перечеркнули нашего
примарха. Руны, написанные кровью,
расписаны по

картине. Я отворачиваюсь от мерзости.
У меня нет ни нужды, ни желания читать
ее.

(«А, — шепчет голос в самом отдаленном
закоулке моего сознания. — Так значит, ты
можешь это прочесть?»))

Я чувствую, что полки изменились с тех пор, как корабль пропал пять тысячелетий назад. Они огромные. Количество текстов потрясает. Каменные полки переполнены манускриптами. Пол усыпан выпавшими пергаментными листами. Какой-то куратор

работал, собирая труды со страстью, но без тщания. И все же, за комнатой достаточно ухаживали, чтобы защитить сам библиариум

после того, как погиб корабль. Эта комната — песчинка, вокруг которой была создана демоническая жемчужина. Это может быть

ключом к тому, как «Потрачению Надежды» удалось покинуть эмпиреи и распространять свою чуму в материальном мире.

Центр библиариума превратился в темную святыню. Здесь стоят четыре кафедры, больше двух метров в высоту, для созданий

выше костодесантников. Они сделаны из

соединения железа и кости, двух настолько
отличающихся, но при этом неразделимых
элементов сама эта субстанция кричит о
терзости ее создания. Узоры на них —
порождения кошмаров: переплетенные
фигуры,

людей и ксеносов, страдающих, их рты
распахнуты, словно они выкрикивают
богохульные проклятья презирающей их
вселенной.

Извилистые завитки, из змеи и плети,
чешуйчатой и с шипами, вьются среди
тел, принося яд и боль. Мне кажется, что
я вижу

движение краем глаза. Я приглядываюсь к
кованым душам поближе. Я не ошибся. Они
движутся, так медленно, что пройдет год,
прежде чем заметны станут изменения.
Но они движутся. И страдают.

Кафедры покрыты густыми слоями
высохшей почерневшей крови. И здесь тоже
движение. Медленные, сияющие капли
падают

вниз, на основу, увеличивая сотворения тук

с той же последовательной
непреклонностью, что растит
сталактиты. Я поднимаю
глаза. Кровь течет из книг.

Книги. Эти вещи нельзя так называть, не
более, чем Вечного Врага следует звать
человеком. Они огромны, больше тетра с
каждой

стороны. Они покоятся на железе и кости,
но связаны железом и плотью.
Металлические шины пробивают их
корешки. Спекшаяся

кровь стекает, бесконечно, капля за
каплей, вниз, к кафедре. Плоть переплетов
— не выдубленная кожа. Нет, она черная, с
зеленым

и фиолетовым. Она в состоянии
постоянного, но не завершающегося,
разложения. И она не мертва. Раздается
едва слышное

бренчание, словно плоть звенит от
напряжения пыток.

Через стены я могу расслышать
приглушенный звук битвы. Не так много

времени, но я должен быть осторожен. Я должен быть

уверен в своих действиях, или я обреку всех нас. Я должен быть очень, очень осторожен и из-за другой вещи в комнате. В самом центре библиариума стоит возвышение, окруженное четырьмя кафедрами. Я избегал прямого разглядывания, полагая, что мой

первый взгляд обманул меня, и если я отвернусь, оно исчезнет. Но оно не исчезло.

-- Лорд Мефистон... -- начинает Столас. Он потрясен.

-- Знаю, -- говорю я. Я поворачиваюсь и смотрю на то, что дожидалось меня.

На возвышении развернута древняя звездная карта. Она начертана на выцветшем, ломком пергаменте. Эта карта лишь часть

огромного собрания экспонатов, что всегда принадлежали библиариуму. Мой палец скользит по имени изображенной системы:

Паллевон.

А потом я смотрю вверх.

На возвышении стоит статуя. В ее материале нет ничего абсурдного. Это просто бронза. Она не двигается. Она не издает звуков.

Это я.

Оружия статуи в ножнах и кобурах. Она спокойна. Ее не должно существовать. И все же она так же реальна, как и все остальное в

этой комнате. Это не призрак, но она пугает меня, словно призрак.

Мной двигали, как фигуркой в резицид. Желание корабля убить меня, когда я объявил, что моя цель -- библиариум, была всего-

лишь уловкой. Она просто укрепила меня в решимости достичь этой цели. На секунду меня ослепляет красный туман ярости.

Холодная темнота внутри меня узнает ловушку и тушит огонь. Я отступаю.

-- Что это значит? -- спрашивает Столас.

-- Это значит, что нас ждали. И это не значит, что наша миссия изменилась.

-- А это? -- он показывает на звездную

картү.

-- Еще одна ловушка, -- ты должны
проигнорировать ее.

Столас пристальнее разглядывает
статую.

-- Посмотрите на ее глаза, -- говорит он.

Я думал, его взгляд был безучастным. Я
ошибался. Глаза смотрят налево от меня.
Я поворачиваюсь в том направлении и
вижу

огню из кафедр. Подхожу к ней. Книга,
огромная, пульсирующая болью знания,
ждет, что я отверну ее демоническую
обложку.

Столас оборачивается, окидывая взором не
только четыре огромных тома, но и всю
коллекцию.

-- Столько знаний... -- говорит он. Его
динамик превращает шепот в ветер
статуй.

-- Мерзких знаний, таковы они все, --
отвечаю я.

-- Подумайте, что могли бы мы сделать с
врагами Империи с подобной

информацией, -- спорит Столас.

Но ему не нужно меня соблазнять. Я сама
ощущаю желание. Я тянусь к книге передо
мной. Открываю ее. Длится секунда. Доля
секунды столь долга, что может бросить
вызов минуте, как единице времени. И тем
не менее, я проживаю ее: временным

ощущением того, кто последним
прикасался к этой книге. Возвышающаяся
рогатая тень. Глаза ее горят багровым
пламенем злобы

и знания, и... Чего-то еще... Воспоминания
о чем-то столь особенном, что словно
оружием направлено в самое сердце
Кровавых

Ангелов. Воспоминание, что в будущем
когтистым кулаком сокрушит наш орден.

Осколок видения исчезает. На его месте
разверзается обещание. Эта книга
бездонна. Она может сказать мне все.
Каким бы ни был

мой вопрос, я получу ответ. Всеведение
лежит передо мной. Больше не будет
тайн. Все прошлое, все настоящее, все

будущее --

все станет мне известно.

Моя личность прояснится. Что именно таится в глубине меня? Я узнаю и это.

Это значит полное просветление, полную власть, совсем несложно. Мне просто надо начать читать.

Это за границами всякого соблазна. Я в сжимающихся челюстях черной дыры. Ее грань уже давно пройдена. Спасенья нет, к чему

и желать его?

Но я желаю. И отказываюсь. Моя воля толкает меня назад. Это та воля, что вытянула меня из «черной ярости», что подняла из

каменной могилы. Это воля, что притягивает ко мне энергию эмпирей. Власть? Я Господин Смерти. Что это, как не самая ужасная

власть?

Полностью ли моя это воля? Только ли это я?

Ответа нет. Неважно. Я снова четко

вижу комнату, и на шаг отступаю от книги.

Направо от меня Столас сжимает другой том. Я зову его, но уже слишком поздно. Его лицо искажено темным экстазом. Он обращает ко мне свой взгляд, его глаза сверкают чернотой. Его тело содрогается. Его речь невнятна.

-- О, -- говорит он. -- О, вы просто должны знать...

-- Нет, брат, -- говорю я ему. -- Мы не должны.

Мерцание его глаз стекает по его щекам. Слезы превращаются в щупальца. Щупальца превращаются в червей. Он пропал. Эта

проклятая книга обещала мне власть? Так дайте мне показать ей, что есть настоящая власть. Я призываю к себе варн. Я заставляю

его исполнять мои приказы. Я собираю вокруг себя энергию, пока ее сдерживаемый потенциал не начинает угрожать разорвать

меня на части. И когда я готов, пока
время переходит от секунды перед
действием к самому действию, я знаю,
что «Полрачение

Надежды» испытывает свой собственный
момент ужаса. Оно чувствует, что
произойдет. Оно наконец познает страх.

Я бью. И вокруг только огонь.

...

Я сжег библиариум дотла. Я был центром
очистительного солнца. И когда я
закончил, разум корабля остался лишь
воспоминанием.

Мойл. Столас тоже был сожжен. И хотя я
знаю, что душа его уже была сокрушена, я
знаю, что это мое пламя сокрушило его
тело и

его геносея. Его след и его наследие
пропали навсегда, и его имя теперь будет
добавлено в список тех, перед кем виноват.
Я

оставил обугленную комнату и вышел к
моим братьям, что стояли в темном
пустом коридоре. Кровапускатели исчезли,

когда я

уничтожил разум.

Корабль снова безмолвен.

Но он не исчез. Даже сейчас, когда мы
вернулись на «Кровавую Проповедь», и
ничто живое и разумное не ходит по
коридорам

«Помрачения Надежды», корабль-призрак
остаётся нетронутым, видением, что не
собирается возвращаться обратно в ночь,
откуда

пришло. Кризис на Сунpliciyme Терциус
преодолен. Выжившие больше не убивают
друг друга. А значит, корабль больше не
разносчик заразы.

Но мы не можем его уничтожить. То, что
он продолжает существовать пугает нас
возможностью дальнейшего вреда. Это

воспоминание, которое отказывается
забываться. А ещё книги. Мои личные
призраки. Я поборол искушение. Я
уничтожил

нечестивое. Но что же я мог узнать? Что,
если бы я смог впитать эти знания и

остаться невредимым, в отличие от
Столаса? Что

если абсолютное знание, что я отверг,
было дверью из тьмы в спасение?

От чего я отказался?

Я подумаю об этом. Но не сейчас. Есть
кое-что немедленное, чем следует
заниматься. Существо, что отправило
«Полрачение

Надежды» в его поход, еще не закончило с
нами. Нас все еще двигают по резонансной
доске.

«Проповедь» получила сообщение. Брат,
потерянный когда-то, вернулся к нам.

Он ждет нас в системе Паллевон.

Наш прекрасный корабль ведет нас к
судьбе, что готовилась пять тысяч лет. Я
настраиваюсь разумом на эфир. И я не
удивлен при

звуче скрипящего в волнах варпа
жаждущего слуха.

...